

Пролог

Степан Королев открыл глаза и посмотрел в окно. Ослепительное солнце освещало какую-то заброшенную деревню. В воздухе пахло необычайно. Все вокруг сбросило покровы ночи, готовясь к новому дню.

Кошка, разомлев на солнце, лежала на заборе и жмурилась так, что кожа, лопнув на затылке, стянулась к почерневшей пипочке отвалившегося носа.

В конуре, белея ребрами, полуистлевшая собака радостно вцепилась беззубой пастью в собственную ногу, приняв эту кость за лакомство.

Три свиньи, мирно разложившись в затхлой луже полусгнившими внутренностями, кормили отслоившимися сосками раздувшихся синих поросят.

Жирный нахохлившийся индюк издох на вялого гуся, порвавшего клюв в последнем кряке.

Куры, влипнув головами в раскисшие коровьи «лепешки», грязно-серыми могильными холмиками тлели на солнце.

Петух разорванным горлом повис на плетне, вцепившись вывихнутыми лапами с отвалившимися когтями в кроваво-красный гребешок лежащий неподалеку.

Иссохшая корова окаменела на постаменте из собственных испражнений, покосившись на треснувших ногах и задавив отвалившимся выменем проползающего мимо лысого ёжика.

В затхлом пруду захлебнулась стайка уток. Их перышки, отделившись от осклизлых тел, вереницей «осенних листьев» медленно плыли мимо покачивающихся кверху брюхом снульных карасей.

Щука в последней агонии вывернувшись наизнанку валялась на берегу, задохнувшись собственной чешуей.

В засохших камышах раскинув сломанные крылья навзничь лежал седой журавль, подавившись жабой. Она густо сочилась ему в горло через лопнувшие глаза.

— Мир еbnулся, — прошелестело радио за спиной Степана и отключилось.

Степа вздрогнул и закрыл глаза в плотную коробочку, убрав их с подоконника. Нос завернулся во влажную тряпочку и сунул в карман. «Мир сдвинулся», поправил он репродуктор и его мысль сухими струпьями медленно отделилась от ржавой головы, которая забыто покачивалась на полу и тихо шурша полетела за дверь, гонимая вперед синим ветром.

Побирахтавшись, Степан всунул ноги в протезы, подхватил неприметную голову и побрел в сторону треугольного горизонта, опираясь на костили.

Странник не помнил, как оказался в этой мертвой деревне, но знал, что нужно делать. Его путь лежал к средоточию всех миров — месту, которое называлось Светлая Пашня. Лишь только там можно было повернуть время вспять и дать мирам лучшую долю. Степан свято верил, что, когда он доберется до цели своего пути, ему откроется его предназначение. А пока что он шел вперед, освященный надеждой и провидением.

Глава первая

Артас

Степан взобрался на небольшой холм и посмотрел вдаль. С его телом происходили постоянные метаморфозы, но он уже стал к этому привыкать. Только когда вместо ног, которые отваливались обычно некстати, вылезал акулий хвост или ласты моржа, ему

приходилось лежать в сторонке и пережидать трансформации. Сейчас он выглядел вполне сносно, если не считать неприличного нароста на лбу, который вставал всякий раз, когда мимо проходили редкие особи женского пола.

На горизонте показался всадник в доспехах, сидящий на странном скакуне с большими рогами, разведенными в стороны. Рыцарь достал из ножен внушительных размеров меч и держал его перед собой, как палку для селфи. Приблизившись к Страннику на опасное расстояние, всадник ткнул Степана в нарост и спросил глухим голосом:

— Кто ты есть в этом мире?

— Степан-странник, — ответил Степан. А ты чьих холоп будешь?

— Да я Минетил Артас! — проревел рыцарь и поднял меч над головой.

— Да мне все равно, кого ты там минетил, — ответил Степан, отступая на шаг, — звать-то тебя как, железный человек?

— Я принц Лордерона и рыцарь Серебряной Длани, сын короля Теренаса Менетила II и наследник трона! — всадник приподнялся в седле и изготовился к нападению. — Я Минетил Артас и меня сам Утер Светоносный обучал искусствам паладина!

— Ну, если тебя сам Светоносный утер, — пробормотал Степан, не совсем понимая, о чем говорит громыхающий всадник. — Не знаешь, случайно, короткий путь к Светлой Пашне? — добавил он, возвысив голос.

— Нет, о Азерот! Не произноси этого вслух! — вдруг взмолился всадник, и его доспехи враз потускнели.

— Какой рот?! Я говорю, не знаешь, как добраться до Светлой Пашни? — изумился Степан, глядя, как оседает рыцарь на своей странной коняге.

— Прощай, моя Джайна! Прощай, моя Праудмур! — завыл Артас и свалился на землю.

Он скатился вниз, громыхая доспехами и стал биться в агонии у подножия холма.

Металлические сочленения рыцарского боевого костюма с громким чавканьем отделялись от трясущегося тела вместе с мясистым содержимым. Фонтанчики крови постепенно сошли на нет, и останки всадника затихли, дымясь ручейками крови из вырванных с мясом конечностей.

— Херасе, — пробормотал Степан, подходя к рыцарскому фаршу. — Безмолвно он лежит, во прахе и крови скользят его колена, — бездумно добавил он.

Странник нагнулся и поднял с кровавого месива, которое когда-то было шеей несчастного рыцаря, серебристый кулон. По украшению струилась искусственная гравировка в виде двух переплетенных букв «БИ». Степан бережно повесил добычу себе на шею и брезгливо пнул волосатые яйца Артаса, вывалившиеся из доспеха. Брызги крови сложились на земле в причудливую карту местности.

— Вот он путь, куда мне следует двигаться дальше! — воскликнул Степан, водя возникшим щупальцем, покрытым хитиновой кожурой, по кровавым ручейкам, вытекающим из остьвающегося мяса.

Затем он пополз вперед, смешно выгибая членистоногое тело под противоестественным углом.

Глава вторая

Харрис

Вдалеке показалась дивная поляна: ее границы обрамляли деревья, увитые густым плющом. Посередине на аккуратно подстриженной траве стоял изысканный стол, инкрустированный

черепами и драконами. На столе, заставленном кастрюльками и тарелками, что-то аппетитно дымилось. Подле него сидел небольшого роста лысоватый человек с седеющей бородой и что-то с аппетитом уплетал, черпая половником прямо из кастрюли. Степан выглядел вполне сносно, несмотря на испуганный глаз позади волосатого хвоста, поэтому он смело приблизился к трапезнику и с шумом втянул носом воздух. Человек перестал есть и тревожно взглянул на путника.

— Хочешь присоединиться? — спросил добрый человек и нехотя протянул Степану деревянную ложку, на которой древним искусством мастера была вырезана морда лица.

— Не откажусь, — ответил Степан, усаживаясь за стол и не обращая внимание на недружелюбный прием. — Степан Королев, — добавил он и зачерпнул ложкой из общей кастрюли.

— Томас Харрис, — представился хозяин стола и нахмурился, наблюдая за действиями странника.

Степан ошалело уставился на глазное яблоко, который он выудил при первом же погружении ложки в странное варево. Глаз смотрел на Степана немигающим взглядом. Мигать было нечем.

— Чей это? — внезапно севшим голосом спросил Степан.

— Лектера, — в тон Степе ответил Томас и сглотнул.

— Плохо читал лекции? — пошутил Степан, но никто не рассмеялся. Он осторожно утопил глаз обратно в кастрюле и поинтересовался, — а здесь что?

Степан ткнул пальцем в ломти дивного мяса, уложенные на тарелке аппетитной горкой. Они шипели, словно только что были сняты со сковороды.

— Это шкворчание ягнят, — после долгого молчания ответил Харрис и вдруг вцепился в край стола: она заметил на шее странника серебряный кулон.

— А тут что? — продолжал Степан, махнув ложкой в сторону какой-то синей жижки, размазанной по глубокой щербатой тарелке.

— Это Красный дракон, — прохрипел хозяин странных блюд и вдруг резко выбросил руку в направлении Степана, — откуда у тебя это?!

— Кулон-то? — Степан быстро убрал его на всякий случай за отворот косоворотки, — мне мама подарила, — соврал он. — Я полагаю, что когда доберусь до Светлой Пашни...

На этих словах Томас Харрис взмыл, дернулся и сверзился на землю вместе со столом. Павший вцепился себе в руку зубами и стал быстро поедать сам себя, корчась от боли и брызжа кровавыми ошметками во все стороны. Степан выронил ложку и отскочил от стола. Томас обгладал себя с удивительной быстротой, отрывая целые полосы пульсирующих мышц от розово-красных костей. Иногда его рвало плохо пережеванным свежим мясом, и тогда он запихивал плоть обратно себе в глотку чудом уцелевшей рукой. Степан пятился к тропинке, не сводя глаз с душераздирающего зрелища. Обглоданные пальцы в последней конвульсии зацепили скатерть, стащили ее вниз, и все блюда разом свалились на клубок судорожно дергающихся конечностей. «Какое-то осеннее каннибальство», мелькнула мысль у перепуганного Степана, однако это не помешало ему подобраться к неаппетитной куче окровавленных внутренностей и выудить оттуда бечевку с болтающимися на ней буквами «EX».

Вытерев украшение о кроваво-красные лепестки берберы, Степан нацепил его на шею и быстро двинулся дальше, следя за стремительно летящей ящерицей в полуметре от земли:

она истово указывала путь.

Глава третья

Фредерик

Степан давно потерял перепончатокрылую рептилию из виду и двигался строго наугад, изредка вспоминая кровавую карту Артаса. «Светлая Пашня, — размышлял он под перестук собственных костей, гремя ими по растрескавшейся асфальтовой дороге, — какая магическая сила заключена в этих словах? Стоит мне их только произнести вслух, как с собеседником случаются нехорошие вещи. И как связаны с этим украшения, которые я отбираю у почивших?»

Путник достал из-за пазухи медальоны и покрутил их в руках: ничего внятного не складывалось из имеющихся букв. «Слишком мало информации», пробормотал Степан и прибавил шаг: дорога вплелась в небольшой городок, который неожиданно вырос на его пути.

Город был мертв, это было заметно невооруженным глазом. Повсюду стояли тронутые ржавчиной автомобили, валялись обрывки газет, большинство витрин пустых магазинов было разбито. Семеня многочисленными ногами — сейчас у Степана было двадцать пар щетинистых сочленений — путник быстро двигался вперед, шевеля по сторонам стебельками глаз.

Он поравнялся с большим, когда-то белым корпусом здания, на котором висела покосившаяся табличка: «Клиника Уэстен-Хиллз, Спрингвуд, штат Огайо». Степан не был уверен, что он действительно в Спрингвуде, но мир сдвинулся и с этим нужно было считаться. До странника донесся чей-то уверенный голос, и Степан быстро взобрался по стене клиники на второй этаж. Осторожно прильнув стебельком к окну, он заглянул внутрь помещения.

Мужчина высокого роста в белом халате с большим лбом и благородным носом вышагивал между рядами столов, за которыми сидели дети с лицами олигофренов. На них было надето что-то вроде пижамы. Перед ребятишками лежали раскрытые учебники и тетради. По идиотическому выражению лиц было невозможно определить, сколько детворе лет. Похоже шел какой-то урок.

— Сон — очень интересное и крайне необходимое для каждого ребенка естественное физиологическое состояние, — с жаром говорил, то ли учитель, то ли врач, приближаясь к окну, — и пренебрегать этим, особенно в детском возрасте, крайне недопустимо!

Говорящий распахнул окно, и Степан чуть не свалился на землю, чудом ухватившись лапками за шпингалет. Мужчина брезгливо смотрел на болтающуюся за окном гигантскую сороконожку, и не отрывая взгляда от насекомого, крикнул, чуть повернув голову назад:

— Кто сегодня отвечает за чистоту класса?

— Я, господин Крюгер! — подал голос кто-то из мальчишек, и Степан с ужасом увидел, как над ним навис мужской башмак, который учитель сжимал в руке.

— Светлая Пашня! — пискнуло насекомое и зажмурилось от страха.

Учитель посмотрел на скучоженное существо за окном взглядом, полным отчаяния и тоски, выронил ботинок и рухнул на подоконник. Степан услышал, как мужчина захрапел и тут случилось невообразимое. Дети повскакали со своих мест и бросились к спящему учителю: у каждого из них было лезвие на длинной металлической ручке. Скальпели в руках безумцев поблескивали в лучах заходящего солнца.

«Он уснул! В лапшу его!» раздались воинственные вопли, и молодежь стала потрошить

наставника, словно чучело, набитое опилками. Одежда была в мгновение ока изрезана в кровавые клочья, а затем детвора добралась до сладкого. От тела Фредерика Чарльза Крюгера — как значилось на оторванной нашивке халата — отрезались тонкие куски плоти, которые дети тут же поджаривали на костре из учебников и школьных принадлежностей. Комната наполнилась смрадным запахом, будто подпалили курицу. Детишки, словно маленькие ненасытные пираньи, за несколько минут освежевали учителя.

Степан таки свалился с окна. Его ноги-щупальца отсыхали целыми пучками и осипались с тихим шелестом на землю. Степан принял почти человеческий облик и еле усел отшатнуться от летящего тела: из окна выбросили горящие останки Крюгера, которые шмянулись рядом. Степа поворотил суковатой рукой, еще сохранившей остатки хитинового покрова, пылающую плоть и подцепил с изрезанной шеи учителя серебряную цепочку, на которой болталась только одна буква «Е».

— Негусто, — пробормотал Степан и отошел подальше от горящего трупа. — ИХ-ЕХ-Е... белиберда какая-то, — ворчливо сказал он и убрал магические руны под одежду.

День и труп догорал, солнце и настроение клонилось к закату, и Степан решил отдохнуть. Он прислонился к ржавому остову когда-то синего пикапа и уснул стоя, как боевая лошадь, изредка всхрапывая и роя землю копытом.

Глава четвертая Норман

Наскоро перекусив еще теплым прожаренным телом, накануне выпавшим из окна, Степан потрусили дальше по дороге из желтого кирпича. Его приземистое тело на кривых коротких лапах было покрыто свалившейся шерстью пыльного цвета с рыжими подпалами на ушах. Степан мельком взглянул на себя в лужу, растекшуюся вдоль дороги. «Даже псина из меня получилась непородистая... шавка какая-то», грустно подумал путник и поковылял дальше. Его сокровища, снятые с погибших встречников, болтались на ошейнике, словно награды за призовые места на собачьих конкурсах.

Город кончился и перед Степаном развернулась бескрайнее маковое поле. Сотни тысяч кроваво-красных цветочных головок колыхались, подчиняясь воле еле заметного ветерка. У странника закружилась голова от увиденного великолепия и запахов, рассеянных в воздухе. На небольшой полянке — скорее проплешины посреди алого моря цветов — сидел на корточках какой-то господин в черном засаленном смокинге и улыбался. Рядом с ним валялся видавший виды цилиндр. Внешний вид странного человека, столь неуместно расположившегося в парадном костюме посреди полевых цветов, говорил о том, что он в прошлом был церемониймейстером или еще какой-нибудь важной шишкой. Но Степан ошибся в своих предположениях.

— Степан Королев, — осторожно гавкнул Степа, подивившись складной речи, которая донеслась из его собачьей пасти.

— Бейтс. Норман Бейтс, — ответил господин и улыбнулся еще шире.

Его почему-то совсем не удивила пришедшая из ниоткуда говорящая дворняга. Степан понюхал воздух: из цилиндра пахло какой-то живностью. Странник решил не тратить время попусту. Ему надоело разгуливать на четырех лапах, и он решил форсировать события, мысленно извинившись перед господином в смокинге за возможные последующие неудобства.

— Светлая Пашня, — пролаял Степан и сжался, пристально глядя на собеседника.

— Блядская Пиздяшня, — тут же ответил господин и выжидающе посмотрел на пса.

Никаких метаморфоз ни с кем не произошло.

— Пашня? — негромко гавкнул Степан удивленно.

— Хуяшня, — согласно кивнул смокинг и ослабился.

Степан начал терять терпение. Не найдя на господине необходимого рунического артефакта, он заглянул в цилиндр и тут же получил чувствительный щелчок по носу. Степан отскочил от неожиданности и обиженно посмотрел на господина. Последний вдруг запустил руку в свой головной убор и извлек на свет грязного кролика, держа его за уши. Животное забавно дергало задними лапами, пытаясь освободиться. Норман встал и вытянулся во фрунт. — Достопочтенная публика! — заговорил он торжественным голосом, обводя глазами маковое поле, — позвольте вам представить мистера Гейна! Мистер Гейн, — он уже обращался к кролику, который у тому времени затих и принюхивался к воздуху, смешно шевеля раздвоенной пуговкой розового носа. — Покажите ваших блох!

С этими словами Норман опустил кролика и прижал его к земле. С каким-то диким весельем глядя на единственного зрителя, Норман стал двигать к псине живой реквизит, приподнимая его иногда в воздух и приговаривая: «Блох! Блох! Роберт Блох! Прыг-скок! Вот Хич-кок!» Степан попятился, не желая, чтобы блохи перепрыгнули на его шерсть. Ситуация была дикая и несุразная. А дальше стало еще хуже.

Кролик ловко вывернулся и выпал из рук господина. Мелькнули крупные белые резцы, которые обнажились в хищном оскале грызуна, он высоко подпрыгнул и примостился на шее Нормана, сзади лысеющей головы. Мгновение и кролик скрылся из виду. Норман как-то по-женски вдруг взвизгнул, и в ту же секунду густая струя крови ударила в собачью морду Степана.

Он отбежал в сторону, но жирные бордовые струи стали бить из шеи во все стороны, напоминая адский фонтан. Степан поджал хвост и заметался вокруг кровавого пиршства: кровь заливалась его со всех сторон. Норман осел на колени да так и остался сидеть с нелепой улыбкой на лице. Потом его голова завалилась на бок под неестественным углом и крови стало намного больше.

Из месива показалась красная голова кролика: в зубах он сжимал какой-то предмет.

Выплонув его совершенно по-человечески — смаочно и звучно — кролик снова вгрызся в развороченную шею своего хозяина, медленно скрываясь из виду в теле несчастного.

Мелькнул грязно-серый пушистый хвостик, и кролик пропал совсем. Обезглавленное тело Нормана издало странный булькающий звук и повалилось ничком. Степана вырвало.

Пошатываясь и отплевываясь, он встал на ноги. Ноги были мужские. Степан быстро оглядел себя: он выглядел неплохо, одетый в лиловый хитон с глубоким капюшоном. Нащупав горсть медальонов, висящих на кожаном поясе, Степан пошарил глазами вокруг. Невдалеке он обнаружил кровавый сгусток, который выплюнул гребаный кролик. Это была нецкэ, изящная старинная фигурка. Степан вытер ее об хитон, оставляя на нем красные дорожки и рассмотрел повнимательнее: на скульптуре была вырезана книга с двумя крупными буквами посередине страницы. «БИ» — значилось на ней.

— Би-би-би, — пробормотал Степан и добавил новый символ к остальным.

Затем он одернул хитон и, стараясь не смотреть на дергающееся тело Нормана Бейтса, поспешил покинуть обманчивую кроваво-красную красоту.

Глава пятая Реддл

Маковое поле не закончилось, как положено растениям, росшим по воле случая, а резко

оборвалось, словно кто-то могущественный полосонул широкой секирой по земле, оставив на ней гигантский кровавый рубец. Сразу за полем начиналось кладбище, которое, судя по датам надгробных изваяний, было старее самой ночи.

Степан непроизвольно ускорил шаг, поминутно оглядываясь по сторонам и радуясь тому, что сейчас середина дня и ярко светит солнце. «Еще не хватало очутиться ночью на кладбище», — усмехнулся он и тут же другая, пророческая мысль колом вошла в его перепуганное сознание: «мысли материальны». Он стал набирать высоту и полетел через горный перевал в неизвестность.

Наступил вечер, а Степан все летел и летел. Дважды он, почувствовав запах гниющего мяса, пикировал на скалы и подхватывал полуистлевшие тушки падших зверьков. «Я же падальщик», — горестно усмехался странник, с аппетитом уплетая зловонную снедь.

Ночь черным пологом накрыла все вокруг, но Степан продолжал лететь через горы, которым не было конца. Вместе с темнотой пропало ощущение времени и Степану казалось, что вся жизнь его прошла в полете в никуда. Лишь мерное бряцание собранных подсказок напоминало ему о цели своего перемещения в пространстве. Луна тускло освещала путь, поблескивая в редких горных водоемах и речушках, которые проплывали под крылом марабу далеко внизу.

Вдруг Степан почувствовал, что он летит не один. Он обернулся и чуть не свалился в ущелье от ужаса: над ним, чуть сзади, летело огромное существо. Размах кожистых крыльев, казалось, закрывал полнеба. Узкая морда с большими остроконечными ушами внимательно следила за Степаном. Заметив, что его раскрыли, существо оскалилось в зловещей улыбке: в лунном свете сверкнули два острых клыка.

— Кто вы и что вам нужно? — прокаркал Степан, испуганно косясь на исполина.

— Более нелепого и неуместного вопроса трудно себе представить, — прошелестел гигант. Он почти не взмахивал крыльями, скользя по восходящим потокам воздуха. Опустившись ниже, кожистый гигант внимательно рассмотрел украшения, висящие на зобе марабу. Степан тут же пожалел, что у птиц нет карманов.

— Я — Влад, — ответило чудище, сильно смахивающее на дракона.

Его голос звучал почти дружелюбно, словно он решил сменить гнев на милость.

— А я Степа, — отозвался Степан, судорожно взмахивая крыльями: силы оставляли его.

— Тебе для полной коллекции не хватает последнего звена, — сказал Влад, — Оно у меня, — добавил он и наклонил свою звериную морду.

На голове гиганта поблескивала тиара с двумя белыми буквами посередине, разобрать которые с такого расстояния было невозможно. Но Степан понял, что это именно то, что ему было нужно.

— Давай сыграем в загадки, — предложил Влад, подлетая поближе к взъерошенной птице, — тот, кто выиграет, забирает все.

— А вам зачем это? — спросил Степан для того, чтобы что-то спросить.

— Я не могу ничего забирать у смертных, — в голосе дракона послышалась печаль, — ты должен сам отдать это мне. По доброй воле.

— И что вы с этим собираетесь делать?

— Не то, что собираешься делать ты. — Влад помолчал, а потом грозно добавил, — это мой мир, и я никому не позволю изменить его и пустить время вспять! Играй со мной, нелепая птица!

— Каковы условия? — деловито спросил Степан, чтобы выиграть время.

— Если я не отгадаю твою загадку, то отдам тебе тиару, — в глазах исполина блеснул дьявольский огонек.

— А если не отгадаю я?

— Если ты не отгадаешь мою загадку, — то я заберу у тебя все и выпью твою кровь! — проревел Влад и дико захохотал.

— Кто начнет? — Степан клацнул клювом от ужаса.

— Начинай ты, смертный, — презрительно бросил вампир и взмахнул кожистыми крыльями.

— Мм... На тарелке колобок Золотой горячий бок. А тарелка голубая — Не видать конца и края,

— выпалил Степан загадку, чудом вынырнувшую из глубокого детства.

— Давно ты, видать, не жрамши, — усмехнулся древний, не въехав в суть шарады, — колобок — это хлебный мякиш у славянских народов. Ты русский, что ли?

— Может быть колобок это и хлебный мякиш, — ответил Степан, деликатно обходя национальный вопрос, — но это не отгадка!

— Гхм... — с сомнением протянул Влад и взлетел повыше, — дай-ка мне минуту подумать.

— Хоть две! — раздухарился Степан, вдруг с ужасом осознав, что долго он не протянет: его силы были на исходе.

Их полет продолжался в полном безмолвии. Вампир хмурился, полностью уйдя в размышления и ничего не видя вокруг, а Степан от усталости постепенно терял сознание. «У меня есть шанс! — думал Степа, из последних сил тяжело взмахивая крыльями, — этот глупый дракон срезался на детской загадке! Мне бы только чуть-чуть продержаться до тех пор, пока...»

Луч солнца прорезал ночную мглу и ударил в левое крыло древнего ящера. Влад в отчаянии забил крыльями. Второй луч проделал аккуратную дыру в его когтистой лапе.

— Вот она, отгадка! — страшным голосом заклекал марабу и подлетел поближе к вампиру, который безуспешно пытался укрыться от смертельных солнечных лучей.

— Это же... — прошептал Влад и вдруг вспыхнул зеленым факелом, словно гигантская жар-птица.

Взошло солнце, заливая живительным светом все вокруг и Степан устремился за поверженным вампиrom вниз: он никогда в жизни не видел на черепе выражение столь искреннего удивления. Тиара падала рядом с горелыми останками вампира, и Степан старался не выпустить ее из виду. Он мельком взглянул на землю и обомлел: горы кончились и везде, куда хватало глаз, расстипалось огромное поле. Оно светилось внутренним бело-розовым светом, переливаясь волшебными всполохами зарождающегося дня.

Это была Светлая Пашня.

Глава седьмая Светлая пашня

Степан открыл глаза и быстро сел, наскоро оглядев себя. Его мускулистое тело под палящими лучами солнца лоснилось от пота, между буграми мышц стекали тоненькие ручейки. Он внимательно осмотрел свои руки: никаких крыльев, крепкие мужские руки, покрытые вздувшимися реками вен. Поодаль от него лежали его сокровища: серебристый кулон, бечевка с буквами, серебряная цепочка, маленькая скульптура из слоновой кости, зеленый готический браслет и обруч с головы вампира. Степан поднял его и приблизил к глазам. Буквы, выдавленные в куске чистого золота, гласили: «ВЫ».

— Кто это «вы», — пробормотал он, и разложил артефакты в одну линию. — ИХ, ЕХ, Е, БИ, ВС, ВЫ... — Степан пожевал пухлыми губами, — ну и что же это значит?!

Со стороны поля донесся сладострастный стон, и Степан, оставив на время загадку, подошел к дубу, росшему на краю пашни, оперся об него и взгляделся в даль. Метрах в десяти прямо на земле лежали обнаженные женщины. Их было много — очень много. Почти все молодые, они призывающе манили Степана, играво двигая бедрами и ласково улыбаясь ему. Он начал считать их и на второй сотне сбился со счета. Попробовал снова и сбился опять. «Их надо ебать, а не считать!», пришла в голову здравая мысль и тут Степана осенило.

Он бросился назад, к своим драгоценностям, замер на минуту, и нужные слова вдруг сложились, словно сами собой:

ВЫЕБИ ИХ ВСЕХ

Степан удрученно оглянулся и понял, что это задание ему не выполнить никогда: его мужской силы хватит разве что на нескольких женщин.

От дерева отделилась какая-то тень: словно черный человек просто вышел из ствола или стоял рядом все это время, слившись с корой дуба. Он приблизился к Степану, держа впереди себя руки, сжатые в кулаки. Степан недоуменно посмотрел на нового персонажа. Сладкие стоны девушек, которые доносились со стороны поля мешали ему сосредоточиться.

Внезапный гость остановился в паре шагов от Степана и заговорил:

— Брателло, ты должен оплодотворить эту святую землю через ее посланниц, — он кивнул на девиц, истекающих соком желания, — тогда мир восстановится и все будет как прежде.

— Я не смогу, — сказал Степан, стараясь заглушить зов плоти.

— Сможешь, — невозмутимо ответствовал черный человек, — не забывай, что ты такой же ниггер, как и я!

Степан мельком бросил взгляд на свое накачанное тело, покрытое оливковой кожей.

— Да, но... не всех же?!

Чужеземец разжал кулаки. На одной ладони лежала капсула красного цвета, на другой — синего.

— Что это? — кивнул Степан, указав на красную ампулу.

— Морфиус, — ответил негр и заговорчески подмигнул.

— А в синей что?

— Хуй его знает. Но ты выпей обе, — уверенно сказал дубовый фармацевт.

Степан задумался на мгновение, потом бросил взгляд на сонмы девушек, ожидающих его пришествия аки Мессии и махнул рукой.

— Ебись оно все конем, — пробормотал Степан и заглотил в один присест обе таблетки, запив водой из фляги, услужливо протянутой ему прившым кудесником.

Не прошло и минуты, как естество Степана еще больше вздыбилось и зазвенело, словно натянутая струна. Драг-дилер опасливо отошел в сторону, чтобы ему ненароком не попасть под раздачу. Степан отбросил в сторону всякий стыд и последние одежды и решительно шагнул на зов плоти.

Мир еще не видывал такого свального греха. Степан работал как паровой молот, не пропуская мимо ни одного лона, ни одной влажной лощины. Благодарные посланницы исполняли на члене Степана танец любви и плодородия, а его черное могучее орудие рвалось вперед к новым низинам. Постепенно кожа Степана побелела, отдавая дань толерантности, но сохранив при этом прежнюю афроамериканскую прыть.

Те из сладострастниц, которые пытались войти в историю дважды, жестоко наказывались теми прелестницами, которые еще не успели рыбку съесть. Преступниц забивали в землю резиновыми пенисами, которые обычно служили для утех женского братства, пока Степан пробирался к нему со своей великой миссией.

Три дня и три ночи Светлая Пашня оглашалась стонами и криками счастливых наложниц. Последние несколько часов кричал Степан. Он дико устал и его неудержимо рвало на Родину. Заколотив последний кол в участницу массового забега, Степа рухнул без задних ног, втайне надеясь, что он исправил положение, и мир вернется на круги своя.

Эпилог

... Пошевелив пальцами ног, Степа догадался, что лежит в носках, трясущейся рукою провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил. Наконец, видя, что он брошен и одинок, что некому ему помочь, решил подняться, каких бы нечеловеческих усилий это ни стоило. Степа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, покрытою черной щетиною физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке с воротником и галстуком, в кальсонах и в носках.

— Черт! Приснится же такое, — выругался Степан Лиходеев и с трудом сел на кровати. — Натурально надо меньшее пить.